

УДК 316.61-053.6

К. М. Ольховиков,
профессор кафедры организации работы с молодежью
Э. Х. Кордеро Гарсия,
студент 2-го курса магистратуры
«Международный HR-менеджмент»,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург

ДИСФУНКЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ: СИТУАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ*

Рассматриваются ключевые понятия идентичности как социального процесса. Выявляется определяющая роль молодежных проблем идентичности для развития современной цивилизации. Дисфункции идентичности представлены как риск и неопределенность, требующие социально-технологических решений.

Ключевые слова: *идентичность, дисфункции, молодежь, ролевая диффузия, ценности*

Категория идентичности используется для формулировки сущностных критериев постановки, диагностики, решения проблем молодежи. Именно обретение идентичности связано с формированием предсказуемой личности. Идентичность востребуется социальными институтами и становится фактором выживания общества в критических ситуациях: «когда жизнь человека, случайно или из-за каких-то сбоя в развитии, теряет необходимую тотальность, он перестраивает себя и мир, прибегая к помощи того, что можно назвать целостностью» [1, с. 134]. В целом функции идентичности обобщенно представимы в трех аспектах:

* Статья публикуется редакции автора.

- антипод и преодоление ролевой диффузии;
- основание социальной солидарности и антитеза анонимии;
- механизм ценностного выбора и компенсатор анархических установок.

Однако эти же функциональные аспекты включают в себя объективно неизбежные дисфункциональные проявления: «типическая установка по отношению к объекту суть процессы приспособления» [2, с. 465]. Дисфункции идентичности вытекают из реализации внешних по отношению к идентичности задач: предсказуемость индивидов, социальный порядок, выживание культуры.

Идентичность — это процесс, идет ли речь о личности, общности, организации, институте, человечестве. Социальный процесс логично характеризовать через доминанты, включая установки, направления, ритмы и особенности протекания. В общем и целом на сегодняшний день очевидна доминанта идентичности как «самоограничения через противопоставление». Пустота имеет шанс противостояния пустотам. Основания собирания человеческих перспектив и сбережения человеческой жизни как высшей ценности (инвариантная формула нарицательного гуманизма) практически никак не проявляют себя в современных формах массовой и публичной коммуникации.

1. Идентичность и ролевая диффузия взаимосвязаны: на понятийном уровне диалектически, на феноменальном уровне через социальную дистанцию. Уже в предельно обобщенном словарном определении идентичность толкуется на двух уровнях смысла: «1) свойство индивида оставаться самим собой в изменяющихся социальных ситуациях; 2) результат осознания индивидом самого себя в качестве человеческой личности, отличающейся от других» [3, с. 94]. Абсолютное их нетождество становится относительной формой единства и позитивной взаимообусловленности. Опыт ролевой диффузии составляет

непременное условие обретения идентичности. Любое прикладное объяснение идентичности личности как преодоления ее ролевой диффузии, тем более формализация этой схематики в социально-технологических алгоритмах, уже закрепляет относительные параметры феномена в качестве абсолютных. Общественная жизнь выступает в статусе абсолютного внешнего требования, и то, что существует в качестве внутренней динамики для личности, может быть воспринято в обществе лишь через установление формальных предписаний. Так, зрелость личности, ее социальная ответственность, а также социальная востребованность становятся своего рода заменителями абсолютных ценностных параметров, которые остаются лишь словесными формулами. Идентичность не совместима с незавершенностью личности, ergo безжизненна в итоге любых попыток ее внешней социальной интерпретации, а на этом держится социальное управление как таковое.

2. Идентичность и анония иногда прекрасно дополняют друг друга в качестве социальных ресурсов, и это не исключительная ситуация, а нарастающая тенденция. Глобализация не только дает шанс глобальной идентификации для незамеченных ранее в истории социальных меньшинств или мелких предпринимателей, она создает угрозы человечеству из любого локального конфликта. В основе уточнения своей позиции субъектом уже заложена формула вхождения в конфликт с носителями иных идентичностей. Собственно говоря, конфликтная ситуация лишь эксплицирует идентичности в виде уже заложенных в них деструктивных установок. Идентичность группы невозможна без ригористического деления на своих и чужих, количество признательных оговорок имеет относительное значение.

Обретение себя в той или иной форме социальной солидарности не оставляет личности даже возможности морального выбора, исключающего участие в конфликте. Собственно, талион как таковой «воплощает исторически первый синкретический тип регуляции» [4, с. 490]. Социально-групповая

идентичность морфологически представлена сценариями лояльности, ослабляющими и размывающими личную идентичность, ролевая диффузия личности возвращается бумерангом, но имеет формулу социально-групповой отчетливости. Управляемая социальная группа весьма часто образована личностями с непреодоленной ролевой диффузией.

Безусловно, молодежь имеет больше статусных оснований выражать такого рода дисфункции. Однако, в смысловом отношении, молодежь здесь по большей части исполняет роль социального прототипа. Ювенализация среды публичной коммуникации превращает в фактически подростковые по типу действия любые социальные общности.

3. Ценности никогда не бывают сами по себе. Ценностная самодостаточность — факт выбора субъектной установки. Разумеется, уровни субъективности различны, но их различия относительны благодаря абсолютным ценностным критериям. Анархизм исторически и логически выражает непоследовательности коммунизма, позитивизма, гражданского общества. Но если в случае неприятия бюрократизации классовой борьбы трудящихся анархизм «вязнет» в формах группового экстремизма, то в случае противопоставления науки государству просто скатывается к старым добрым утопическим схемам. И эти ситуации не вызывают тревоги в XXI веке. А вот ситуация с разнообразными конфигурациями гражданских инициатив, проявившая себя в череде цветных революций, — это лишь «цветочки». «Ягодки» — дисфункции базисных ресурсов глобализации. Материальные, информационные, человеческие последствия вышеперечисленных дисфункций складываются в риски катастрофических сценариев культуры. Инфляция коммуникативных смыслов опустошает ценностные установки субъектов.

Молодежь — заложник ситуаций; динамическая формула дисфункций современной эпохи осваивается молодежью как представителями человечества. Российская молодежь и рос-

сийское общество в целом имеют целый ряд общих знаменателей в плане проблем идентичности. Специфика России не в том, что у нас иная ситуация с социокультурной идентичностью, уникально не схожей со всеми иными. Актуальная Россия разрушает собственные формальные критерии, используя такие стилевые формулы молодежной культуры, которые деструктивны по отношению к живым основаниям нашей цивилизации, еще не завершившим своего жизненного цикла. «Догоним и перегоним!» — сверхнадежная формула приведения управленческих решений в антагонизм с имеющимися остатками культуры и профессионализма.

Идентичности обладают рефлексивной деструкцией, «знают» о своей избыточности. Озабоченные своим статусом носители идентичности подчеркивают ценности как нечто важное в силу прагматической интуиции по поводу их недостижимости. Таким образом, идентичности заслоняют собой ценности в сознании носителей идентичности, формируют отчужденную замкнутую на себя деятельность, декларируют сведение абсолютного к относительному. Традиционные социальные формы по своей природе (как единству основания становления социального феномена) противостоят замкнутости носителя традиции на себя; традиция умирает вне культивирования ценностей в их абсолютном статусе. Динамика исполнения традиции фиксирует ее ценностные горизонты. Идентичность как замкнутость на себя временна, выражает претензию на статичность, на актуальность в качестве смыслообразующего культурного феномена и установления. Ценности порождают соблазн интерпретации. Идентичности порождают соблазн деконструкции. Но предельно широкое поле этих различий составляет лишь часть культуры как средоточия жизненных миров человека: «человеку не дано проникнуть в истину и реальность настолько глубоко, чтобы это могло угрожать условиям его бытия» [5, с. 401]. Эта максима, восходящая к Гете, относится исключительно к вопросам лживости самосознания

и неприменима к новым летальным видам вооружения. Но так ли это надежно в информационную эпоху?

Список литературы

1. Эриксон Э. Трагедия личности. М. : Алгоритм Эксмо, 2008. 256 с.
2. Юнг К. Г. Психологические типы. СПб. : Азбука, 2001. 736 с.
3. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / редактор-координатор академик РАН Г. В. Осипов. М. : Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА М), 2000. 488 с.
4. Этика : энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2001. 671 с.
5. Ясперс К. Общая психопатология. М. : Практика, 1997. 1056 с.